

А.Г. Козинцев

Индонезийцы, индейцы и протоморфные монголоиды Западной Сибири

Вся совокупность современных антропологических данных о родственных взаимоотношениях человеческих популяций, принадлежащих к восточному (австралоидно-монголоидному) стволу человечества, свидетельствует о существенной неравномерности темпов эволюции в пределах этого ствола [Козинцев 2001]; по отношению к западной части эйкумены это еще более очевидно, поскольку африканцы не входят вместе с европеоидами в «западный ствол», а противостоят всем остальным человеческим группам вместе взятым.

В общем, как ни удивительно, мы вынуждены через три четверти века вернуться к стадияльным схемам эволюции рас, развивавшимся в СССР в 1920-х и начале 1930-х годов А.И. Ярхо, Т.А. Трофимовой и отчасти Г.Ф. Дебецом. Эти схемы потом долго воспринимались как отзвук марризма и общей теории стадийности (безнадежно дискредитированной и в лингвистике, и в социальных науках), а факты, некогда привлекавшиеся в их пользу, стали толковаться с метисационных позиций. Сегодня, однако, больше оснований считать антропологические особенности южных монголоидов не столько результатом ав-

стралоидной примеси, сколько пережитком сравнительно ранней стадии в образовании монголоидной расы на основе австралоидной. В ряде отношений южные монголоиды даже ближе к полинезийцам (представляющим собой еще более раннюю стадию в этой эволюции), чем к северным монголоидам.

Между тем В.В. Бунак, не разделявший (в отличие, например, от Г.Ф. Дебеца) ни теорий Марра, ни взглядов Ярхо, с начала 1920-х годов писал о протоморфности уральской расы, т.е. по существу о задержке ее на сравнительно ранней стадии формирования монголоидного ствола. На этой почве возникла полемика между ним [Бунак 1965] и Г.Ф. Дебецом, который в данном случае безоговорочно выступал в пользу метисного (монголоидно-европеидного) происхождения уральцев [Дебец 1961]. И сегодня у обеих точек зрения имеются сторонники, хотя чаша весов за последние годы стала явно клониться в сторону гипотезы протоморфности.

На первый взгляд, кажется странным сопоставлять уральцев с южными монголоидами, заведомо им не родственными. Единственное возможное исключение — кеты, у которых И.И. Гохман [1982] усматривал реальные южномонголоидные связи. Между тем такое сопоставление имеет гораздо более широкий смысл, но не в плане поисков родства. Если бы у уральцев и южных монголоидов нашлись специфические общие черты, это подтверждало бы протоморфность и тех, и других. В противном случае больше оснований было бы говорить о европеидной примеси в первом случае и об австралоидной — во втором.

Когда 35 лет назад я обнаружил краниологическое сходство айнов одновременно с уральцами, полинезийцами и американскими индейцами [Козинцев 1974], это казалось случайностью или артефактом статистического метода. Теперь же, когда выясняется, что идея стадильности была сдана в архив этнической антропологии напрасно, подобные совпадения получают вполне разумную интерпретацию. Они скорее всего отражают протоморфность, присущую, хотя и в неодинаковой степени, всем перечисленным группам. Не придется ли вернуться и к старым идеям об «американоидности» некоторых сибирских групп?

Для проверки всего сказанного были использованы данные о 37 древних и современных краниологических сериях из Азии

и Америки, изученных по двум независимым системам признаков — краниометрии и краниоскопии. Черепа индонезийцев (яванцев, бугисов, мадурцев и балийцев) измерены Н.Н. Чебоксаровым (1982) и В.П. Алексеевым [1984]. Это пока единственная имеющаяся в нашем распоряжении южномонголоидная серия, изученная по обеим системам признаков. Черепа индейцев (две сборные группы — из Северной и Южной Америки) измерялись разными авторами. Источники измерительных данных прочих серий указаны в [Козинцев 2004] (там же — подробности о статистической обработке данных). По предложенной мною краниоскопической программе весь материал изучили А.В. Громов, В.Г. Моисеев и я.

Данные, полученные по каждой из двух программ — измерения и частоты краниоскопических признаков — были подвергнуты многомерному статистическому анализу (каноническому и главных компонент соответственно), после чего канонические векторы и главные компоненты были использованы в качестве новых признаков и вновь подвергнуты анализу главных компонент. Результатом этого нетрадиционного подхода явилась обобщенная картина взаимоположения групп [Козинцев 2004], несомненно, более точная и информативная, чем та, которая была получена по каждой из двух систем.

Три первые интегральные главные компоненты (ИГК) отражают основную часть (60 %) общей изменчивости; прочие — в основном «статистический шум». ИГК 1, измеряющая соотношение европеоидности и североазиатской монголоидности, лишь подтверждает то, что давно уже было известно: промежуточность уральцев (индонезийцы и индейцы на этой шкале также нейтральны).

Между тем ИГК 2 и 3 позволяют со значительной долей уверенности ответить на основные вопросы, ставившиеся в данном исследовании. По обеим из них индейцы противостоят всем прочим группам. Но по ИГК 2 то же относится к индонезийцам, а по ИГК 3 — нет. Вместе с тем все имеющиеся данные свидетельствуют о том, что индейцы в общем менее протоморфны, чем южные монголоиды, но более протоморфны, чем северные [Рогинский 1937; Козинцев 1991]. Видимо, ИГК 2 отражает более древний этап формирования монголоидной расы, а ИГК 3 — более поздний, основной чертой которого было отделение предков

индейцев от северных монголоидов. Следовательно, ИГК 2 можно считать мерой общей протоморфности, а ИГК 3 — мерой «американоидности».

Все без исключения группы, относимые к уральской расе, обнаруживают по ИГК 2 сильный сдвиг в сторону индонезийцев и индейцев, чем резко отличаются как от сибирских монголоидов, так и от европеоидов. Особенно это относится к кетам, хантам, манси, селькупам, чулымцам и томским татарам (последние две группы сложились в результате тюркизации селькупских и кетоязычных племен), в меньшей степени — к шорцам, тубalaraм, койбалам, тобольским татарам, телеутам, кызыльцам. Кеты не выглядят в этом смысле исключением на западносибирском фоне. Краниологические данные не подтверждают гипотезу об их специфически южном тяготении, ибо в таком случае то же самое нужно было бы предположить и относительно всей уральской расы в целом, что явно абсурдно. Сочетание признаков во всех этих группах свидетельствует именно о протоморфности и резко противоречит гипотезе метисации. Положение на ИГК 2 ненцев, качинцев и теленгитов, более монголоидных и почти не уклоняющихся в индонезийско-индейском направлении, больше согласуется с идеей метисности. Ни у древних европеоидов Западной Сибири (кроме двух групп эпохи бронзы — из Сопки и Еловки), ни у «классических» сибирских монголоидов ни малейшей протоморфности не обнаруживается.

Чем группа нейтральнее на европеоидно-монголоидной шкале, тем она в среднем протоморфнее и тем, следовательно, сильнее отличается в данном отношении от обеих предполагаемых «родительских» рас — европеоидной и монголоидной. Это означает, что метисационная модель явно неприменима по отношению к западносибирскому региону. Как видно, смешение европеоидов и монголоидов не было не только единственным, но даже главным процессом расообразования в Западной Сибири.

Что же касается американоидности, измеряемой ИГК 3, то она проявляется, впрочем, в не очень сильной степени, лишь в одной древней группе (окуневской) и в одной современной (сагайской). Можно ли считать по крайней мере окуневцев «бюковыми родственниками» американских индейцев, к чему мы склонялись [Kozintsev, Gromov, Moiseyev 1999; Козинцев, Громов, Моисеев 2003] — покажет будущее. Представители же

уральской расы, в том числе и кеты, находятся на противоположном индейцам полюсе изменчивости и занимают здесь в отличие от европеоидов и сибирских монголоидов крайнее положение, что служит лишним (и независимым) аргументом против гипотезы об их метисности.

Таким образом, привлечение данных о южных монголоидах (индонезийцах) и об американских индейцах неожиданно помогло прояснить вопрос об антропологическом статусе уральских народов, чрезвычайно далеких от тех и от других как по местобитанию, так и по происхождению.

Библиография

Алексеев В.П. Материалы по краниологии Новой Гвинеи, Зондских и Молуккских островов, Малайского полуострова. Часть II // Сборник МАЭ. 1984. Т. 39. С. 26–60.

Бунак В.В. Вопросы расогенеза // Происхождение и этническая история русского народа. М.: Наука, 1965 (Сборник МАЭ. Т. LXXXVIII). С. 174–190.

Гохман И.И. Антропологические аспекты кетской проблемы. Результаты антропометрических и краниологических исследований // Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л.: Наука, 1982. С. 9–42.

Дебец Г.Ф. О путях заселения северной полосы Русской равнины и Восточной Прибалтики // Советская этнография. 1961. Вып. 6. С. 51–69.

Козинцев А.Г. Статистические данные к проблеме происхождения краниологического типа айнов // Расогенетические процессы в этнической истории. М.: Наука, 1974. С. 229–242.

Козинцев А.Г. Материалы к краниоскопической характеристике американских индейцев // Сборник МАЭ. 1991. Т. 44. С. 153–165.

Козинцев А.Г. Эволюция человеческих популяций в южной части Тихоокеанского бассейна: Новые факты и обобщения // Австралия, Океания, Юго-Восточная Азия. Народы, культура, история: Маклаевские чтения (1998–2000): Краткое содержание докладов. СПб.: МАЭ РАН, 2001. С. 90–96.

Козинцев А.Г. Кеты, уральцы, «американоиды»: Интеграция краниологических данных // Палеоантропология, этническая антропология, этногенез. СПб.: МАЭ РАН, 2004. С. 172–185.

Козинцев А.Г., Громов А.В., Моисеев В.Г. Новые данные о сибирских «американоидах» // Археология, этнография и антропологии Евразии. 2003. Вып. 3 (15). С. 149–154.

Рогинский Я.Я. Проблема происхождения монгольского расового типа // Антропологический журнал. 1937. № 2. С. 43–63.

Чебоксаров Н.Н. Этническая антропология Китая. М.: Наука, 1982.

Kozintsev A.G. Gromov A.V., Moiseyev V.G. Collateral relatives of American Indians among the Bronze Age populations of Siberia? // American Journal of Physical Anthropology. 1999. Vol. 108. N 2. P. 193–204.